

В этапной картине я так и не снялся

В кино ему везет, особенно в последние неурожайные для многих годы. Фильмы с участием Льва ДУРОВА — “Сирота казанская”, “Не послать ли нам гонца...”, “Танго над пропастью”, “Горячая линия” — выходили на экраны один за другим. Последняя киноработа актера — в картине Виталия Мельникова “Луной был полон сад”, вошедшей в конкурсную программу предстоящего Московского международного кинофестиваля.

— Лев Константинович, как вам работало в фильме “Луной был полон сад”?

— Замечательно! Виталий Мельников — удивительный художник: со всеми разговаривает уважительно, не повышая голоса и будто бы лишь намекая на то, что актеру нужно сделать. Он умеет создать на съемках атмосферу, в которой люди ведут себя очень интеллигентно. И кино получается тонкое, изящное. Я у него когда-то снимался в картине “Ксения, любимая жена Федора”. И хоть действие разворачивалось на фоне стройки атомной станции, речь шла совсем о другом — о человеческих взаимоотношениях. Наш новый фильм тоже про людей! Сначала я был этим поражен и думал: “Неужели сегодня такое еще возможно?” А оказалось, что еще возможно! И в самом деле “любви все возрасты покорны”, и даже в семьдесят лет можно оказаться в ситуации любовного “треугольника”, испытать все его сложности. Я в этой картине играю роль мужа героини — графомана-литератора, который пишет лагерные воспоминания: он когда-то был репрессирован. В роли жены — Зинаида Шарко. По сюжету она случайно встречается на рынке божжа и узнает в нем человека, с которым вместе воспитывалась в детском доме и которого любила. Приводит его в дом. Я, естественно, дико ревную к сопернику, которого играет постоянный мой партнер по театру Николай Волков. И хоть исход этой истории трагичен, фильм все равно получился очень светлый и добрый. Съемки шли в Санкт-Петербурге — на улицах, в цирке. И работали мы все с удовольствием.

— А как вы попали в кино? Это ведь было давно.

— Да как все попадают. Учился в Школе-студии МХАТа. На нашем курсе уже был популярный киноактер Леня Харитонов. Правда, у нас отпустить студентов в кино не любили, но Лене повезло — он снимался вместе со своими учителями. А я впервые снялся, когда уже работал в Центральном детском театре. Моя первая картина называлась “Доброе утро”, и после нее мне стали предлагать роли всяких помощников комбайнеров или экскаваторщиков. Слез я с этой “орбиты” только благодаря Михаилу Ильичу Ромму, который пригласил меня в фильм “Девять дней одного года”. Приглашение передала его ассистентка, знаменитая Лика Ароновича Авербах, которая, красиво заикаясь, для шарма, по-моему, велела прийти на студию. Но Ромму я сначала не понравился — показался симпатичным, а по роли требовалось “мурло”. Спас меня мой педагог по Школе-студии Блинников, который играл директора института. Он заявил, что я и есть “мурло” и что меня на курсе только за это и держали. В “Девяти днях одного года” я сыграл казгэшника-перестраховщика и услышал от Ромма: “Дуров, вы теперь мой любимый артист”. Но больше с ним поработать не довелось. Зато стали приглашать сниматься его ученики, которые проходили практику на “Девяти днях...” — Смирнов, Яшин, Добролюбов.

К сожалению, ни в одной этапной картине я так и не снялся. А как было бы интересно, например, поработать с Андреем Тарковским! Мы были в прекрасных отношениях, но с кино “пасьянс” у нас так и не сложился. Зато снялся у Элема Климова в “Прощании с Матерой”, и это была очень серьезная работа. А в последние годы и вовсе везло. Я-то думал, что пора уходить в тень, потому что появилось новое мощное и сильное поколение режиссеров и актеров. Но вдруг предложения посыпались одно за другим, так что неожиданно для себя я оказался в кино востребованным.

— И вдобавок не прекращаете выпускать премьеры в Театре на Малой Бронной...

— Не так давно сыграли спектакль “Лиса и виноград”. Меня многие спрашивали: “Ну и зачем ты взялся за эту старую пьесу Фигейредо?” А все очень просто. Эзоп, которого я сам и сыграл, все время говорит, что хочет быть не рабом, а свободным человеком. И мы с вами тоже совсем недавно оказались в поле свободы. Но это на самом деле иллюзия, потому что быть абсолютно свободным невозможно. Есть обязанности перед семьей, перед другими людьми, перед театром — у меня или журналистикой — у вас. Хотя сама идея свободы очень важна: если она исчезнет, мы перестанем быть людьми. Недаром Эзоп, отказываясь от любимой женщины, говорит ей: “Даже если бы ты меня умоляла, я бы тебе не подарил свою свободу!” Мне все это напоминает историю с Дон Кихотом. Ведь если вдуматься, что хорошего он совершил? Ничего! Переломал крылья у мельницы, выпустил на волю бандитов, проколол бурдюки с вином. Одни глупости! Но сама идея защиты обездоленных и обиженных хуже от этого не стала, рухнула она — и мы переселились бы назад в пещеры. Надеюсь, что люди в зале задумаются: “Стоп, а может, я тоже могу освободиться от того, что мешает мне жить? От подострастия перед кем-то, от глупой зависимости?” Ради этого и делался наш спектакль.

— В “Лисе и винограде” заняты ваша дочь Екатерина Дурова и ее муж Владимир Ершов. И ваша жена Ирина Кириченко тоже в одном с вами театре работает. Настоящий семейный подряд?

— При этом в нашей семье все очень самостоятельные. Внучка, тоже Катя, на факультет религиоведения в Гуманитарный университет поступила! А дочка сначала работала на “Таганке”, но, когда Лябимов уехал за границу, оттуда ушла. Однажды я откуда-то вернулся домой, она и говорит: “Я уже в вашем театре!” Я за нее рад — у нее нормально все. У некоторых актеров судьба складывается сразу резко и бурно, у нее — сложнее. Но жаловаться Кате особенно не на что, профессией она владеет. Вот в “Фантазиях Фарятева” снялась с Андреем Мироновым — и не уступила, играла на равных. А вообще мы с женой часто и не знаем, что дочь в очередной фильм снимается — она нам не говорит!

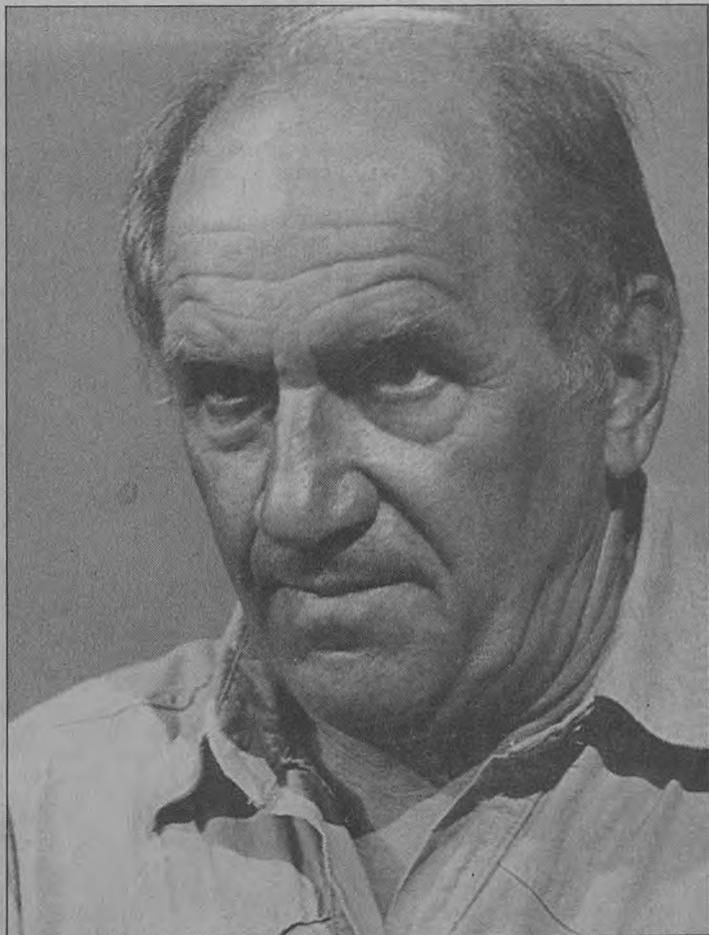

Фото Н.САМОИЛОВА

— Кто у вас в доме главный?

— Кот Миша. Он — хозяин, а мы — при нем. Миша — огромный, самостоятельный и своенравный: не терпит тепла и любит гулять под проливным дождем. Что касается быта, то никакие обязанности мы меж собой не делим: все делаем все. Я вот готовлю красиво и очень это люблю.

— Вы очень общительный человек, а сегодня люди обособлены. Наверняка у вас друзей много?

— Друзей много не бывает. Друг — человек одной с тобой группы крови. Для меня это Саша Розенбаум, который, как и я, не терпит пошлости, жлобства, вклявывает, как пахарь. Давно уже дружим с Мишей Евдокимовым. С врачами, у которых я в больнице лежал. С ударником Толей Павленко, с которым вместе над спектаклем работали. Когда-то Толя был журналистом, брал у меня интервью, так и познакомились. Еще есть такой Жора Баранов, в прошлом известный футболист, играл за молодежную сборную страны — на почве увлечения спортом мы и сошлись. Сейчас Жора — крупный ученый, занимается проблемами космоса. И еще он добрый и замечательный человек!

— Вы — известный баечник, даже книжку смешных рассказов “Грешные записки” издали. Откуда такая страсть к невероятным историям?

— Началось все с Центрального детского театра. Там была целая академия травильщиков со своим “сменным” президентом, которая заседала во время или после спектакля в одной из гримбуторных. И байки травили мастера своего дела! Помню, на одном из заседаний пожилая актриса, которая у нас всех баб-яг переиграла, заявила, что видела накануне розовую собаку. Все ей: “Ну это уж вы...”. А она: “Да? Вот пойдете, я вам сейчас покажу место, где эта розовая собака стояла!” И все сочли, что это весомое доказательство. У каждо-

го из нас там были свои темы. У меня — кино, медицина. Замечательный актер Перов виртуозно проигрывал фильмы: то “Чапаева”, то “Мы из Кронштадта”. Костя Устинов специализировался на “наивных новеллах”. Рассказывал, к примеру: “Поехал я на рыбную ловлю. Сижу, ужу на берегу, во рту — сигарета. Незаметно задремал и упал. Смотрю, я уже на дне. Ну отталкиваюсь, выныриваю, вылезает на берег, а сигарета у меня во рту все курится!” Все это излагалось и выслушивалось на полном серьезе, безо всякой иронии, издевки. Из этой академии столько баечников вышло!

Вообще артисты — народ веселый и на розыгрыши гораздый. У нас с Сашей Михайловым был смешной случай в аэропорту, когда нам Леня Куравлев... ноги целовал. Он у нас в самолете пиво “увел” — ну и решили с ним поквитаться. Леня к нам подходит в окружении грузинских поклонников, а мы ему: “Иди отсюда, мы тебя не знаем!” Грузины не понимают, в чем дело: Куравлев — такой знаменитый артист, и вдруг его не знают. Но Леня не растерялся и замечательно нам подыграл. Он рухнул на пол и пополз к нам на коленках с криком: “Ребята, простите!” — а сам нам ноги целует. Что с грузинами было, вы и представьте себе не можете. А еще на каких-то съемках я того же Куравлева все пытал, какой он институт окончил: “ВГИК? Странно, вроде там учат нормально. А учителя кто были? Бибиков с Пыжовой? Странно, хорошие вроде педагоги!” Вдобавок я всю группу подговорил, и все лезли к Лене с теми же вопросами. Он в конце концов от любого, кто подходил, заранее в ужасе отмахивался: “Да ВГИК я кончал, ВГИК, отстаньте только!” Сейчас собираюсь за лето новую книжку написать. Вот там вы всякие байки и прочтете!